

Крутиков Г.

Впервые я увидел его в военной санатории инвалидов Великой Отечественной войны. Среднего роста, стройный, удивительно молодожавый для своих шестидесяти лет, с волевым лицом в иссиня-черных точках — пороховая татуировка войны — человек в черных очках играл на хроматической гармонии песни фронтовых лет. Вокруг стояли слушатели, инвалиды войны, и внимательно, с удивлением следили за искусными манипуляциями слепого над бело-черными клавишами. Казалось, что играл не он, а кто-то другой. У незрячего инвалида не было кистей обеих рук, но он ловко орудовал правой, раздвоенной на конце культей, заканчивающейся как бы двумя толстыми, неуклюжими пальцами, а левой культей скользил по басам. Он играл по заказу вальсы, песни, марши. Я смотрел на его лицо, на его руки и испытывал сложное чувство — весь вид инвалида олицетворял ужасы войны, и в то же время чувство восхищения вызывало мастерство слепого музыканта.

Потом я почти каждый день находил его, играющим на гармонии у главного корпуса санатория, в окружении инвалидов.

А однажды слышал, как он рассказывал, словно читал популярную лекцию, о народных методах лечения травами и настойкой какого-то «суставника», растущего в старинном парке санатория. Его с интересом слушали, переспрашивали, записывали, а он без усталости объяснял, искренне желая помочь людям. Жизнелюбивый, динамичный человек, от которого веяло моральным здоровьем, уверенностью в себе, чем-то очень волевым, заинтересовал меня.

...Он защищал Родину, участвовал в боях как командир пехотного взвода в звании младшего лейтенанта на реке Угре и под Ржевом. Юного комвзвода ранило в те часы, когда Совинформбюро сообщало, что на фронте не произошло существенных изменений, велись, как тогда говорили, «бои местного значения».

Он успел только крикнуть:

— Ребята, приготовиться к атаке!..

И вдруг все раскололось во вспышке черной молнии. Он потерял сознание и не видел, как прямо на поле боя санитары оказывали ему первую помощь.

В медсанбате раненому ампутировали кисти обеих рук. Голова его была укутана бинтами, лицо покрыто словно белой маской. Он помнил, что ранен в руки, но не осознавал, что пострадали и глаза. Соседи по палате, медперсонал скрывали от него правду. А он пробовал сгибать и разгибать пальцы, пересчитывая каждый, и ему казалось, что он чувствует их.

Прошло пять дней, и в полевом госпитале, на перевязке, ему сказали, что у него нет кисти левой руки. И тут впервые закралось в душу страшное подозрение: а вдруг нет и правой. Смутное, тревожное чувство не покидало несколько дней. И только на вторичной перевязке, когда он немного окреп, ему объявили ту самую, настоящую правду, отчаянно горькую... А ведь до войны он играл на скрипке.

Ему было двадцать лет. За его зрение боролись, однако, несмотря на операции и лечение, он полностью ослеп. Остановился в Москве, у дяди: не хотел возвращаться домой на Смоленщину, не мог показать матери, у которой и так было много горя. Летом 1942 года за связь с партизанами фашисты арестовали его отца, инвалида гражданской войны, и зверски замучили в гестапо. Старший брат погиб в танковом сражении в боях под Прохоровкой на Орловско-Курской дуге в 1943 году. В деревне Байки Брестской области фашисты согнали жителей в школу, обложили соломой и живыми сожгли. В огне вместе с односельчанами погибли родители матери и пять племянников. Обо всем этом он узнал из ее писем.

Все время не оставляла мысль: «Как жить теперь?..» Были когда-то руки, которые не только ловко держали лопату, но и нежно сжимали гриф скрипки, рвали цветы. Были глаза, что любовались зорями, да закатами, ловили первый ответный блеск в глазах любимой...

Все реже читали ему письма от нее, все короче, скуpee становились их строчки. И, сидя под смоковницей в ташкентском госпитальном дворе, он думал: «Изувеченный, слепой — кому я нужен?..»

Но надо было начинать заново жить. Как ребенок, делающий первые шаги, он учился ходить, ориентироваться в пространстве. Раненых воинов в госпиталях обучали игре на баяне, учили грамоте по системе Брайля, а потерявших руки — ножной грамоте. Он посещал музыкальные занятия и однажды увидел сон, будто

МИР, ОТКРЫТЫЙ СЕРДЦЕМ

его пальцы свободно бегают по клавишам, и он играет, играет...

В доме его родителей любили музыку. Отец и все шестеро детей играли на различных музыкальных инструментах. Славился на всю округу их семейный ансамбль: в Монастырщине, на смотре, даже занял первое место. И часто вспоминалось ему, как, бывало, заиграют «Камаринскую» или «Смоленского гусачка» — все заслушивались.

В Новосибирске, в госпитале, ему сделали операцию Крукемберга (расчленили лучевую и локтевую кости). Однажды взял он у товарищей по палате гармони, вроде как побаловать себя, а сыграл мелодию. Первое прикосновение к инструменту обнадежило, и он начал упорно заниматься. Было невыносимо трудно: болели вспухшие швы, воспаленные культы. Труднее всего оказалось совладать с басами: при раздвигании мехов культя левой руки срывалась с клавиш. Тогда, зажав угол гармони под мышкой, он стал растягивать меха коленями. Позднее приспособил наискосок, через плечо, ремень. Постепенно, длительной и упорной тренировкой, добился того, что стал играть не только для себя, но и для товарищей.

Одновременно, отказываясь от посторонней помощи, научился сам одеваться, бриться, чистить обувь. Научился ходить по улице быстро и уверенно (большую помощь оказал ему в этом брат — тоже фронто-

вик). И так натренировался, что почти свободно «бегал» по Смоленску.

Однажды, в санатории, я шел с ним рядом мимо пруда. Боясь, как бы слепой не оступился в воду, хотел подержать под локоть.

— Не надо, — предупредил он и пояснил, — я привык обходиться без посторонней помощи.

Он рассказал, что его палка не только помогает определить, нащупать дорогу, но и является чем-то вроде антенны локатора. Постукивая ею, он слышит отраженный от предмета звук, «слышит» даже, что поверхность пруда заросла ряской, ибо от чистой воды — звук прозрачнее, ярче.

Слепого музыканта зовут Александр Корнеевич, фамилия его Новиченков. Живет он в Смоленске. Работает в Доме культуры первичной организации Общества слепых инструктором по культурно-массовой работе, участвует в хоровых слесках, в течение десяти лет является главным редактором стенной газеты. Много у Александра Корнеевича и других общественных дел. Он член комиссии по оказанию помощи одиноким и престарелым членам ВОС, к нему обращаются с различными просьбами, и ни одна из них не остается без ответа. Он всегда нужен людям.

У Новиченкова взрослый сын, работает водителем на автобазе; есть внучка, которая учится в музыкальной школе. И теперь, когда случится свободный вечерок, они музицируют семейным ансамблем, как когда-то, до войны, играли под руководством Корнея Яковлевича Новиченкова.

На днях я получил от Александра Корнеевича письмо. Он пишет, что был приглашен в Дом культуры слепых, где его слушал приехавший в Смоленск инструктор

Центрального правления ВОС по музыкальным и хоровым коллективам и выразил сомнение: поверят ли ему в Москве, даже если он продемонстрирует магнитофонную пленку, что так играет слепой музыкант без кистей обеих рук.

А чтобы поверили, очевидно, необходимо записать Александра Корнеевича на видеоманитофон... Советские люди должны узнать о человеке, инвалиде первой группы Великой Отечественной войны, бросившем вызов своим недугам и несчастьям и победившем их, живущем жизнью, полной труда, творческой и общественной деятельности.

В конце письма Александр Корнеевич пишет: «То, что я делаю сегодня и смогу еще сделать — окрыляет. Я нужен семье, людям, работе — и это прекрасно, это помогает жить. В двадцать лет остаться полным инвалидом — дело страшное, доводящее до отчаяния, но я постарался преодолеть, побороть тяжело-гнетущее моральное состояние — а такое было — выбраться из него. И поверить в себя мне помогли мои близкие, да и многие из окружающих меня людей. Они помогли мне одержать победу».

Помнится, кто-то в военной санатории сказал: «Мы смотрим в распахнутый перед нами мир открытыми глазами, а наш слепой и безрукий музыкант открыл его для себя сердцем».

Георгий КРУТИКОВ